

ПУСТОТА

Алекс Эдер

« ПУСТОТА »

Продираясь через глухие заросли кустарника, я в очередной раз задумался, за каким чертом я вообще это делаю. Зачем я опять пришел в этот умирающий город? Что я тут не видел? Уже много лет везде одна и та же картина: заброшенные серые здания, бывшие некогда величественными и гордыми, толстый слой пыли на стеклах, давно переставших играть в лучах солнца, ржавеющие автомобили, птичьи гнезда на фонарных столбах и крышах да зеленая трава, покрывающая плешивым ковром то, что раньше было асфальтом и брусчаткой. И тишина. О, эта особая тишина почти опустевших городов! Я до сих пор не могу понять, какая она. Эта тишина отличается от тишины леса или поля. Она не живая, но и не мертвая. Это не сонное забытие, но в ней также нет и намека на движение. Она не приносит мне умиротворения, но и не угнетает. Эта тишина спокойная, неподвижная, самодостаточная, и она удивительно наполненная своей пустотой, хоть я и не понимаю до конца, что это значит.

Я брожу по этим краям уже несколько лет, и везде одно и то же. Остатки человеческого мира постепенно угасают и растворяются, и дикая природа неторопливо возвращается в свои исконные владения. С каждым годом все меньше людей, и все больше животных. Все меньше серого, и все больше зеленого. В сущности, это не плохо. Наверно, это даже хорошо, животных и природу я люблю значительно больше, чем людей. Впрочем, не знаю, по большому счету мне все равно, одна версия реальности ничуть не хуже и не лучше другой.

Выбравшись из кустов, я оказался перед хорошо знакомыми развалинами здания. Это была давно сгоревшая библиотека, одна из самых крупных не только в этом городе, но и во всей стране. Говорят, ее сжег один из отчаявшихся, причем вместе с самим собой, что несколько не удивительно. За считанные минуты тут были уничтожены миллионы книг, миллиарды часов работы человеческой мысли и один восьмидесятикилограммовый кусок опустевшего говна, прочитавший Книгу. Отчасти я его понимаю, это не самое плохое решение.

На камнях, оставшихся от мраморной лестницы, сидел человек. Я внимательно к нему присмотрелся. Это был мужчина неопределенного возраста, один из сельских жителей из местных окрестностей. Такие периодически забредают в города, чтобы пожить остатками плодов цивилизации. Им нужна то новая одежда, то какие-нибудь инструменты для своего хозяйства, но чаще всего их интересует алкоголь. Всего этого добра в городах осталось в избытке. Магазины и склады стояли с распахнутыми дверями и были заполнены товарами, которые теперь почти никому уже не были нужны. В свое время их владельцы оставили все как есть, все бросили и просто ушли из жизни, как и очень многие другие люди. Да, я был прав, этот грязный оборванец держал в руках бутылку с крепким алкоголем, считавшимся когда-то дорогим, и был уже сильно нетрезв. Мое появление оказалось для него

полной неожиданностью и вызвало легкий испуг. Он смущенно отхлебнул из бутылки и закашлялся.

- А-а... э-э-э... Здравова! - крикнул он мне, отдышавшись.

- Привет, - ответил я.

- Тебя как звать? Ты откуда?

Я молча смотрел на него, не испытывая ни малейшего желания вступать в диалог. Не дождавшись ответа, он заговорил снова:

- А я вот сюды за гвоздями пришел, чтобы сарай подлатать. И за проволокой для загона. И еще за мылом. Да что-то не найду нихрена, не пойму куда тут идти.

- Строительный магазин был в трех кварталах отсюда в той стороне, - я махнул рукой, указывая ему направление, и повернулся, чтобы уйти.

- Ты туда лучше не ходи, там волки, - встревоженно заговорил сельчанин, догадавшись, в какую сторону я собираюсь пойти. - Насилу от них отбился, пока сюда добрался... Ох, спасу от них никакого не стало, всю скотину у меня пожрали, будь они прокляты.

Я молча кивнул ему, давая понять, что принял его слова к сведению, и сделал пару шагов в ту сторону, в которую он советовал не ходить.

- Да ты оглох что ли, приятель? Говорю же, волки там!

- Хорошо. Я тебя понял, - спокойно ответил я ему и пошел дальше.

- А-а-а, так ты, небось, один из этих, книгочеев, да? - язвительно протянул он, догадавшись, что скрывается за моим безразличием. - Тоже, небось, скоро подохнешь, а?

Не поворачиваясь и продолжая идти, я кивнул еще раз.

- Эй, ты! Я с тобой разговариваю! - раздраженно крикнул он мне вслед и, не видя никакой реакции, задиристо добавил. - Думаешь, ты лучше меня, потому что умеешь читать?!

На этот раз я обернулся к нему и кратко ответил:

- Да.

Он оторопело уставился на меня, переваривая такую неслыханную дерзость. Затем его лицо пошло пятнами, и он швырнул в мою сторону недопитой бутылкой. Она упала очень далеко от меня и разбилась. Я пожал плечами и пошел дальше. Меня этот человек совершенно не интересовал. Меня нисколько не трогали ни его слова, ни поведение. Если он потащится за мной следом или будет приставать, то я просто возьму какой-нибудь камень и забью его до смерти, только и всего. К счастью для нас обоих, он решил ко мне не лезть. Он кратко выругался мне в спину, рассмеялся чему-то, понятному лишь ему одному, и начал громко напевать песню, слова которой он помнил недостаточно хорошо и потому то и дело

переходил на нечленораздельное мычание. Чем дальше от него я отходил, тем больше мычания было в его песне. Немного погодя, видимо, окончательно забыв слова, он громко икнул, и затем, судя по звукам, его стошнило. Вот поэтому мне нравятся животные. В смысле - настоящие, а не двуногие.

Такие встречи иногда случаются. Эти люди не понимают, что с нами происходит, а объяснять им что-либо - бесполезно. Да и не нужно - ради их же блага. Пусть живут в своих счастливых снах, не стоит их будить. Конечно же, я вовсе не считаю, что я чем-то лучше него, а ответил ему так, потому что... Не знаю. Просто ответил и все. Наплевать. Он думает, что я обречен. Что ж, пожалуй, это действительно так. Однако он тоже обречен. Наверняка, он это смутно чувствует, но не понимает, в чем дело. Но я-то понимаю.

Прошло уже, наверно, лет десять или двенадцать с того момента, когда все началось. Не было никакой глобальной мировой войны, чего все так боялись раньше. Не было ни вторжения инопланетян, ни падения астероида, ни мутировавшего смертельного вируса, ни извержения супервулкана. То, что случилось, мы называем эпидемией Пустоты. Кто-то написал Книгу, и это была Последняя Книга этой цивилизации. Кто был ее автором - не известно, да это и не важно. Я не знаю, зачем или почему он это сделал. Наверно, он просто не мог иначе. Да и вряд ли автор вообще что-то выбирал или решал. Эта Книга написалась сама - через него. Видимо, пришло время. Это был закономерный и неизбежный итог развития человеческой мысли. Прочитавшие эту Книгу люди очень быстро погружались в глубочайший экзистенциальный кризис. Книга разоблачала иллюзии человеческого сознания и ломала шаблоны в головах людей, обнажая неприглядную правду о пустотности бытия и тотальной бессмысленности жизни. Это не было новым знанием или откровением. Об этом уже много столетий рассказывали древние восточные религии, это описывалось философами-экзистенциалистами и изучалось психологами. Однако на этот раз информация была преподнесена так просто и доходчиво, так концентрированно и структурно, так неоспоримо, что у читавших Книгу не оставалось ни малейшего шанса на сопротивление. Книга захватывала людей целиком, вытесняя из их разума все представления о смысле жизни, полностью разрушая человеческие желания и цели, обличая их ложность и несущественность.

Поначалу многие радовались и называли это духовным Просветлением. Людям казалось, что у них открылись глаза, что они узрели Истину, что теперь наконец-то начнется настоящая и осмысленная жизнь. О, как же они ошибались! Спустя короткое время после прочтения Книги во взглядах людей появлялась растерянность, и в глазах застыл немой вопрос "а что же дальше, и, главное, зачем?.." Но эта Книга не давала ни ответов, ни указаний, не дарилась ни благодати, ни легкости бытия. Она лишь забирала устоявшиеся иллюзии и навязанные смыслы - все то, на чем на самом деле держалась человеческая психика. Она выжигала дотла все, чем было наполнено сознание обывателей, оставляя после себя экзистенциальную Пустоту, оглушающую и безжизненную. Люди обретали Свободу, но это была свобода от самих себя, свобода от какого-либо смысла, несовместимая с нормальной жизнью.

Дело в том, что нас никто не учил жить в Пустоте. Нам с детства говорили - учись, работай, заводи семью и детей, покупай машины, дома и прочее говно. А зачем все это, никто не объяснял, и мало кто вообще об этом спрашивал. Этот вопрос казался людям самоочевидным. А тех, кому он таким не казался, кто задумывался слишком глубоко, в итоге лечили психиатры или наркологи. "Как зачем? Потому что так надо. Все так живут!" -

обычно отвечали тому несчастному, кто начинал сомневаться в осмысленности и ценности своей жизни. Усилиями родных, близких и врачей таких людей чаще всего удавалось вернуть в привычное русло, потому что им было, на кого опереться и чьими заемными смыслами прикрыть свою Пустоту, зарождавшуюся в душе. Последняя Книга резко изменила этот баланс. Слишком у многих людей одновременно происходило осознание бессмысленности и тщетности всего, что им раньше казалось важным и нужным. У людей терялась значимость чего-либо, а следом за этим без идейной подпитки неизбежно пропадали желания и нежелания, обесценивались цели, исчезали страхи и мотивация. И не на кого было им опереться, ведь психический ресурс стал истощаться сразу у многих.

Нам с детства говорили, что есть добро и зло, есть хорошее и плохое. Нам давали компас, чтобы мы могли ориентироваться между правильным и неправильным. Последняя Книга сломала этот компас, размагнитив противоположные заряды. Она дала людям экстремальную широту взглядов и наглядно показала, что любая ситуация по своей природе неоднозначна и зависит лишь от выбранной точки зрения. Чем больше человек знает и понимает - тем больше гибкость его мышления. Чем больше гибкость мышления - тем шире у него критерии оценочного суждения. Чем шире критерии оценок - тем неопределенней его идейное и эмоциональное отношение к какому-либо вопросу. Чем слабее определенность отношения - тем меньше значения имеет для человека этот вопрос. Люди поняли слишком много, и система значимости в их головах выключилась. Рамки, определяющие норму, рухнули. Мораль, этика, писанные и неписанные правила - все, на чем держалось общество, полетело под откос. Внешние опоры человеческой жизни, социальные, разрушились так же, как и внутренние, психические.

Первое время люди еще кое-как крепились, но ресурсы нервной системы постепенно заканчивались, и запасы душевных сил неуклонно уменьшались. Началась повальная депрессия, принявшая масштаб пандемии. Психическая стерильность приводила к физиологическим проблемам. На уровне нейробиологических процессов в мозгах людей нарушалась регуляция основных нейромедиаторов, в первую очередь дофамина, а затем серотонина и норадреналина. Нет смысла - нет желания, нет желания - нет мотивации, нет мотивации - нет дофамина, который за нее отвечает. Так называемая "система вознаграждения" в мозге человека оставалась без нагрузки, она деградировала и атрофировалась за ненадобностью, словно мышцы, которые спортсмен перестал тренировать. Поначалу резко и многократно вырос спрос на антидепрессанты, но затем он постепенно сошел на нет. Люди довольно быстро поняли, что лекарства могут лишь немного выровнять физическое состояние человека, поддержать поврежденную нейрохимию его мозга, но никакая таблетка не вернет утраченный смысл жизни, не проведет черту между добром и злом, не погрузит несчастного обратно в спасительные иллюзии, не наполнит его выцветший мир вновь яркими красками. За слишком короткий срок человечество уподобилось взрослому, переросшему свои детские игрушки. Не важно, сколько у ребенка было или не было машинок, кукол и плюшевых медведей. Когда приходит время взрослеть, все это становится ему неинтересным и неважным, и никакая сила в мире больше не способна искренне убедить его в обратном.

Это была страшная болезнь. Это не чума и не "испанка", не лихорадка Эбола и не коронавирус. Эта болезнь пришла не из дикой природы и не из секретных биологических лабораторий. Она пришла из глубин человеческой психики и ударила не по рецепторам физического тела, а в ту часть души, которая меньше всего защищена от какого-либо

вторжения, в то самое место, которое человек считает центром своего Я. Тысячи лет люди боялись, что апокалипсис придет извне, а он пришел изнутри. Решения не было. Идеи не цепляли. Придуманные смыслы не удерживались. На выжженной экзистенциальной Пустотой почве души ничто не приживалось. Безразличие, апатия и ангедония накрыли человечество. Сначала люди переставали что-либо хотеть и делать, а потом и вовсе сводили счеты с жизнью. Первыми ушли интеллектуалы. Десятки тысяч людей с хорошим образованием, глубоко мыслящих и тонко организованных умирали еженедельно по всему миру. Одни стрелялись, другие травились, третьи просто ложились в свои кровати, ни на что не реагируя, и больше уже не вставали. Следом за ними пришла очередь интеллектуальных "среднячков" - тех, кто умел читать и был способен понять написанное. Они продержались дольше первых, но информационный вирус со временем неизбежно добирался и до их мозгов, разрушая одну за другой несущие опоры и размывая фундамент их психики.

Цивилизация начала стремительно разваливаться. Люди прекращали ходить на работу, не имея на это ни душевных, ни физических сил. Топ-менеджеры, аналитики и прочие ключевые фигуры бросали свои дела, и их бизнес умирал вместе с ними. Средний класс, и так порядком пострадавший и непрерывно сокращающийся, был не способен их заменить - у них не было нужных знаний и опыта для управления процессами. Оставались еще простые работяги, туповатые и необразованные, которых экзистенциальный кризис затронул меньше всего. Но что толку от, например, лесоруба, когда не стало большого бизнеса, обеспечивавшего его работу смыслом? Никто больше не торгует этой древесиной оптом, и нет заказов на пиломатериалы, и никто не делает из них мебель, потому что эту мебель больше никто не покупает. А раз нет покупателя, то никто и не заплатит лесорубу за его труд, как бы усердно он ни махал топором. Экономика пришла в упадок, наступил крах промышленности. Во всех странах мира один за другим закрывались заводы и фабрики, потому что потребление их товаров фактически остановилось. Международная торговля затихла. Прекратились даже войны, в них больше никто не видел поводов ни финансовых, ни идейных. По всему цивилизованному миру резко упала рождаемость, люди не находили смысла в создании семей и не хотели приводить детей в этот пустой мир. Человечество не погибло. Погибла лишь цивилизация. В разных уголках планеты не обремененные интеллектом люди продолжают жить своей простой и незамысловатой жизнью: необразованные крестьяне в Азии, полупервобытные племена в Амазонии или Африке. Но и они стремительно откатываются в прошлое, ведь больше никто не привозит им футболки, пластиковые ведра или железные ножи.

Города, подобные тому, в который я сейчас опять зачем-то пришел, стали умирать. Помимо упадка местного предпринимательства, начались системные перебои с поставками угля и газа. Из-за отсутствия сырья постепенно отключались электростанции. В городах не стало электричества, а вместе с ним и воды в домах, потому что остановились насосы, качающие эту воду по трубам. Всего за несколько лет инфраструктура городов была отброшена на пару столетий в прошлое. Колодцев не было, и люди снова брали воду из рек, благо что в отсутствие промышленности вода довольно быстро очистилась и стала более-менее пригодной для питья. Люди возвращались к печкам и кострам, но топить было в общем-то нечем. Деревянную мебель сожгли очень быстро, а ДСП горит плохо. В ход пошли книги, но их тоже хватило ненадолго. И тогда люди просто все бросили и ушли кто куда - кто-то из городов, а кто-то и вовсе из жизни. Население планеты, ранее составлявшее несколько миллиардов человек, сократилось до сотен или даже десятков миллионов, точную цифру никто не знал. Города превращались в могильники, многоквартирные высотки - в склепы,

заполненные трупами их бывших жильцов. И вот теперь уже много лет города наполнены вещами, которые мало кому нужны. В первую очередь это касается различной электроники и бытовой техники. Без электричества все это мгновенно превратилось в бесполезный мусор. Вот что действительно хорошо, так это то, что везде - в магазинах и в домах - осталось много еды, начиная от консервов и заканчивая всевозможными крупами и макаронами. По крайней мере, кажется, голод нам не грозит еще очень долго. Если мыши и крысы нас не опередят...

Да, дикие животные тоже стали забредать в города, в том числе и волки. Отойдя на несколько кварталов от сгоревшей библиотеки, я их увидел, как и предупреждал меня пьяный сельчанин. На противоположной стороне улицы прямо у подножия высотной многоэтажки трое молодых самцов с упоением грызли что-то, лежащее на земле. Услышав мои шаги, сначала один из них, а затем и двое других подняли окровавленные морды и с тихим рычанием оскалили клыки, защищая свою добычу. Рядом со мной на перекрестке был хозяйственный магазинчик. Я зашел внутрь, побродил по рядам и нашел, что искал. Взяв большую деревянную швабру и металлический тазик, я вышел на улицу. Волки продолжали свою трапезу, настороженно поглядывая на меня, но уже не обращая особого внимания. Я набрал в легкие побольше воздуха, что есть мочи заорал и, громко лязгая шваброй об тазик, бросился на волков. Как я и ожидал, они даже не подумали на меня напасть, а испуганно шарахнулись в сторону. Отбежав на полсотни метров, животные остановились и оглянулись, выжидаяще следя за мной. Я с грохотом бросил тазик в железную дверь подъезда, размахнулся шваброй и ударил ею в ближайшее окно на первом этаже. Стекло разбилось с громким и веселым треском, поцарапав мне руку отлетевшим осколком. Затем я снова дико заорал и побежал в сторону волков, размахивая над головой шваброй. Это произвело должный эффект, волки сорвались с места и умчались куда-то вглубь улицы, окончательно смирившись с потерей своей добычи. Больше я их не видел. Я вернулся к месту их пиршества и посмотрел, что они ели. Разумеется, это был человек. Тело было уже порядком растерзано хищниками, но все-таки показалось мне неестественно мятым. Я поднял голову и поискал глазами окно. И точно, примерно на пятнадцатом этаже над нами было открытое настежь окно, в котором под порывами ветра развевались тонкие занавески. Очевидно, именно из этого окна человек недавно вышел на улицу, потому что занавески были еще чистыми и не потрепанными погодой. Ну а волки потом просто нашли это свежее мясо. Я подумал, что зря я их прогнал, ведь почему бы им и не поесть, в самом-то деле? Ладно, решил я, может они еще вернуться. В старые времена следовало бы заняться погребением тела, но сейчас эти условности уже никому не нужны, ни мне, ни тем более покойнику. Вот ведь странный тип! Интересно, почему он не перебрался жить пониже? Лифты давно не работают, неужели ему было не в тягость так высоко подниматься по лестнице?

Я повернулся и пошел прочь. Швабру я прихватил с собой на всякий случай. Она была приятная на ощупь. И еще она была деревянная - даже удивительно, как ее до сих пор не пустили на дрова. Проходя мимо очередной витрины, я посмотрел на свое отражение в мутном стекле и внезапно подумал, что выгляжу весьма экстравагантно. На голове шляпа-федора, из-под которой торчат длинные седые волосы, всклокоченная и давно не бритая борода, спортивный костюм, на ногах высокие армейские ботинки и швабра в руках вместо посоха. Джентльмен постапокалиптического мира. Да уж, в былые времена за такой внешний вид меня быстро уволокли бы в дурку. Но психушек больше нет. Весь мир стал одной большой психушкой, вывернутой наизнанку, где по коридорам и палатам полуразрушенных городов бродят депрессивные суицидники, ждущие своего часа. Эти мысли меня ненадолго развеселили. Размышляя, куда бы мне податься, я вспомнил один парк неподалеку и решил

туда сходить. Там и раньше было красиво, а сейчас, когда природу больше никто не запирает в рамки, наверно, стало еще лучше.

Порез на руке продолжал кровоточить, и я подумал, что стоит его обработать. Надо будет зайти по пути в аптеку. Жизнь была бессмысленной, но умирать от какого-нибудь столбняка было вдвойне бессмысленно. Впрочем, не знаю, вряд ли у бессмысленности есть сравнительные степени. Тогда какая мне, в сущности, разница? Эта мысль наводила меня на разные соображения, и я порадовался своей сохранившейся рефлексивности. Я прошел несколько кварталов в сторону парка и наконец увидел зеленую пластиковую вывеску в форме плюса, обвитую, словно короной, птичьим гнездом. Я подошел к стеклянным дверям и услышал внутри какие-то странные звуки. Заглянул через окно, но ничего не увидел. Тогда я перехватил швабру поудобнее, медленно открыл дверь и осторожно зашел внутрь, готовый к любой неприятности. Неприятностей оказалось две штуки. За одним из стеллажей на полу валялись совсем молодые парень и девушка. Не представляю, каких лекарств они нажрались, но были в полностью неадекватном состоянии. У обоих булькала пена на губах, они то стонали, то радостно подвывали, их взгляды были устремлены куда-то за пределы этой реальности, а конечности мелко и хаотично подрагивали. Зрелище было грустным и омерзительным. Почему они это делали? Они искали забвения и пытались спрятаться от экзистенциальной Пустоты или получали от этого истинную радость и были довольны своей жизнью? Посочувствовать им или позавидовать? В первые годы я видел нечто подобное гораздо чаще. Когда многие препараты, ранее запрещенные или строго регулируемые, остались без контроля, наркоманы, получившие свободный доступ к практически неограниченным запасам удовольствия, ни в чем себе не отказывали и потому быстро вымерли. Сейчас такого стало значительно меньше, но все равно иногда встречалось. Я отошел в другой угол аптеки, нашел там антисептик, полил им свою рану и заклеил ее пластырем. Затем я вышел на улицу и плотно притворил за собой дверь, чтобы этих идиотов не съели волки. Хотя, может быть, стоило наоборот оставить дверь пошире открытой, они же все равно скоро сдохнут. Наплевать. Как есть - так есть.

Через полчаса я добрался до парка, прошел к его центральной площади и сел на одну из скамеек, стоящих вокруг скульптуры из замысловато переплетенных металлических прутьев. Это был то ли огонь с дымом, то ли осьминог, то ли две человеческие фигуры, кружащиеся в танце, в общем, какая-то дрянь в стиле абстракционизма. На одном из пучке прутьев, выступавшем далеко вбок, обвитый веревкой за шею, висел человек. Судя по всему, он уже очень давно там висит, потому что его тело было высушенным, словно мумия. Я рассматривал его с легким раздражением, ведь он как будто подчеркивал собой общую убогость и без того дерьмовой композиции.

- Как ты думаешь, почему он повесился на этой штуковине? Вокруг же полно деревьев с подходящими ветками, - внезапно раздался за моей спиной хриплый женский голос.

Я вздрогнул и оглянулся. Рядом со скамейкой стояла девушка лет тридцати и задумчиво переводила взгляд то на меня, то на повешенного.

- Думаю, он хотел, чтобы его смерть заметили, - ответил я, - наверно, хотел этим кому-то что-то сказать.

- Если он еще хоть что-то хотел, то зачем было убивать себя? - задумчиво протянула она.

Ее голос звучал сипло и тускло. Видимо, она очень редко разговаривает, и ее голосовые связки почти отвыкли от нагрузки. Каждое слово давалось ей с заметным усилием. Ничего удивительного, большая часть мира давно погрузилась в молчание. Люди, которые пока ещё продолжали жить, почти перестали общаться между собой. О чем им говорить? Все стало неважным, смыслы развалились, интересы угасли, а обсуждать друг с другом свое одинаковое состояние и пережевывать одну и ту же тоску - зачем? Девушка обошла скамейку и села рядом со мной. Я решил не отвечать на ее вопрос, впрочем, она, кажется, и не ждала ответа. Самоубийство бывает разным - иногда у человека есть причина умереть, а иногда нет причины жить. Полагаю, у повешенного было первое. Раз он выбрал такое место, значит, это действие имело для него значение, поэтому еще не все было кончено, и что-то можно было исправить. Но теперь это уже не важно.

Мы посидели некоторое время, с наслаждением слушая пение птиц. Слабый ветерок покачивал буйно разросшиеся кусты роз вокруг скульптуры и висящую на ней мумию. Я достал из кармана спортивной куртки небольшую шоколадку и протянул девушке. Она ее взяла, а потом залезла в свою сумку, вынула оттуда яблоко и отдала его мне. Мы с пониманием переглянулись и принялись молча жевать подарки друг друга. Дело было не в еде, ее можно найти в любом супермаркете по всему городу, а яблони росли даже в этом парке. Гораздо ценнее для нас обоих была та малая толика душевного тепла, которое у нас еще оставалось и которым мы были способны поделиться.

- Я недавно слышала вдалеке крики и какой-то шум, ты случайно не знаешь, что это было? - спросила она, доедая шоколадку.

- Это был я. Отпугивал волков. Мне хотелось посмотреть, что они там едят.

- И что же они ели?

Я посмотрел на нее, вздохнул и промолчал. Она грустно улыбнулась, поняв все без слов. Общая картина нам обоим была давно знакома, а детали были не важны.

- Чертовы каблуки, - проворчала она и потянулась к ногам.

Только сейчас я с удивлением обнаружил, что на ней были туфли на высоком каблуке. По нынешним временам это было крайне непрактично. Она скинула их и принялась разминать ступни.

- Почему ты не наденешь что-то поудобнее, например, кроссовки? Обувь в магазинах полно, бери, что захочется.

- Я специально.

Я недоуменно поднял брови и уставился на нее.

- Страдаю, следовательно, существую, - поучительно отозвалась она, передразнивая одного мыслителя. - Так я фиксирую свое сознание на телесности. Минимальное сцепление с жизнью.

- Интересный метод! - сказал я. - Надо будет мне тоже попробовать.

- Тебе не пойдут женские туфли. Они не сочетаются с твоей шваброй.

Мы рассмеялись. Такие милые глупости тоже неплохо согревают душу. Затем она смотрела на меня с минуту, о чем-то думая и прикидывая, и наконец предложила:

- Потрахаемся?

- Спасибо, не хочется, - вежливо отозвался я.

- Совсем?

- Угу. Скучная и глупая возня.

- Понимаю, я тоже не хочу. Но надо.

- Опять фиксация телесности? - догадался я.

- Ага.

Я прислушался к себе, честно оценивая перспективы. Ни малейшего отклика внутри. Полное отсутствие либидо. Может быть, механически у меня что-то и получилось бы, но пробовать было лень.

- Нет, извини, не хочу, - сказал я ей и предложил в шутку, - но я могу укунить тебя за попу, если это поможет тебе усилить телесное присутствие.

Она улыбнулась, и мне показалось, что она приняла этот ответ с внутренним облегчением. Принуждать самих себя к чему-либо никто из нас не хотел.

- Кусать не надо, пожалуй, мне хватит и каблучков. Лучше расскажи, почему ты еще не ушел. На чем держишься?

- На упрямстве, - ответил я. - Знаешь, у меня есть какое-то внутреннее пассивное сопротивление. Я как будто отстраненно и даже с некоторым интересом наблюдаю за собой, сколько я еще выдержу. Каждый раз, когда мне кажется, что сил моих больше нет и что пора уходить, я говорю себе: "Окей, все решено, скоро я умру, но давай еще чуть-чуть посмотрим, насколько меня хватит". И продолжаю жить. Даже не день за днем, а час за часом. Так и живу. Живу просто потому, что еще не умер.

Она задумчиво покивала головой и, медленно подбирая слова, сказала:

- Ты словно альпинист, который висит на канате, выбился из сил на половине пути, не может ни подняться, ни спуститься, а просто продолжает висеть.

- Точно, - согласился я с ней и подумал, что это действительно хорошая аналогия.

- Это упрямство тоже своего рода сила.

- Может быть и так, - снова согласился я и спросил. - А что тебе помогает держаться? Кроме неудобной обуви и секса.

- Ритуалы, - ответила она. - Например, сейчас я пойду кормить уток на пруду. Потом буду качаться на качелях. Я каждый день это делаю в одно и то же время.

- Думаешь, уткам нужна твоя помощь?

- Им-то моя нет, а вот мне их - да. Я кормлю их не для них, а для себя.

- Помогает?

- Не очень, но я ведь пока здесь, верно?

Мы посидели еще немного, обдумывая услышанное друг от друга, затем она встала и сказала:

- Ну ладно, пойду. Спасибо тебе за беседу. Держись за свой канат. Пока!

- Всего доброго, - отозвался я и приподнял шляпу, пародируя учтивость и хорошие манеры.

Она хихикнула над моим жестом и не спеша пошла вглубь парка, ни разу на меня не оглянувшись. Я проследил за ней взглядом, пока она не скрылась за деревьями, потом посмотрел на мумию, висящую на скульптуре, и закрыл глаза. Мы не спросили, кого как зовут, нам это даже в голову не пришло. Незачем. Да и не интересно, если честно. Я подумал, что она приятная девушка, но мне будет все равно, если с ней что-то случится. Наверняка она тоже не огорчилась бы, увидев завтра меня висящим рядом с мумией, а спокойно пошла бы дальше кормить уток. "Всего тебе доброго," - мысленно повторил я ей. Мы, пока еще живущие, давно перестали использовать выражение "до свидания", потому что никто не знал, будет ли новая встреча. Теперь уже нельзя быть уверенным, что этот человек не уйдет из жизни ближайшим вечером. И примерно по такой же причине мы перестали говорить друг другу "прощай".

Я сидел с закрытыми глазами и слушал, как шелестит листва. Незаметно сам для себя я задремал. Не знаю, сколько я так проспал. Когда открыл глаза, начинало уже смеркаться. Ночевать на скамейке мне не хотелось. Я с крихтеньем поднялся, взял свою швабру и направился к выходу из парка, намереваясь найти ночлег в какой-нибудь незапертой квартире. В крайнем случае вышибу дверь или залезу через окно. Парк выходил на широкий проспект, и когда я выбрался в город, то оказался на открытой местности, сплошь залитой лучами заходящего солнца. Закат был очень красивый, и я постоял несколько минут, любуясь игрой красок в небе. Затем я перешел на противоположную сторону проспекта и зашел в супермаркет. Я выбрал себе на ужин банку консервированного зеленого горошка и банку тунца. И то, и другое было просрочено на восемь лет, но какая разница. Подумав немного, я прихватил еще пакетик орехов и бутылку шампуня, решив, что завтра надо будет дойти до реки и хорошенько отмыться. Одежду стирать незачем, проще было взять новую, когда потребуется. Когда я вышел из магазина, уже стемнело и заметно похолодало. Я зябко поежился и прикинул, не вернуться ли в магазин и не переночевать ли на полу, там должны найтись какие-нибудь одеяла. Но перспектива поспать в нормальной кровати в небольшой уютной комнате меня привлекала больше, и я пошел в сторону домов.

Подходя к ближайшему зданию, я увидел небольшой дым из приоткрытого окна на втором этаже. Обычно я не лезу в чужие дела и предпочитаю одиночество, но сейчас мне

почему-то захотелось иметь компанию. Я встал под окном и крикнул: "Есть кто дома?" Через несколько секунд оттуда выглянула мужская голова. Он смотрел на меня спокойным и ничего не выражающим взглядом.

- Можно я зайду к тебе? - спросил я.

- Заходи, если хочешь, - ответил он и убрался вглубь квартиры.

Я зашел в здание, поднялся на второй этаж и толкнул нужную дверь, она была не заперта. Мужчина сидел на полу в центре комнаты, подложив под себя подушку, а перед ним тоже на полу на нескольких кирпичах стоял металлический противень от духовки, на котором горел огонь. Еще пара кирпичей были установлены на самом противне, и на них сверху стоял чайник. Рядом валялись книжки и разломанный деревянный стул, которым этот человек топил свой импровизированный очаг, подкладывая щепки в зазор между кирпичами и чайником. Я поставил швабру возле двери и поискал глазами, где бы мне разместиться. В углу комнаты стоял диван, на котором нашлась еще одна подушка. Я бросил ее на пол и сел рядом с хозяином.

- Чай будешь? - спросил он меня вместо приветствия и никак не комментируя мои действия.

- Буду.

- Возьми себе чашку на кухне.

Я поднялся и пошел в соседнюю комнату. Поискав в кухонных шкафчиках, я достал кружку, пару тарелок и ложки. Затем я открыл свои банки с горошком и тунцом, разложил поровну и вернулся к огню. Для двоих мужчин такой еды было маловато, но это не имело значения, ведь не обязательно же каждый раз наесться досыта. Я поставил перед ним его тарелку, а он снял с противня чайник и засыпал внутрь заварку. По стенам комнаты блуждали тени, вызванные к жизни сполохами огня. Это было уютно. Да, ради этих теней однозначно стоило остаться полуголодным. Когда долго живешь с Пустотой в душе, начинаешь ценить такие мгновения.

Мы медленно расправились с едой и ждали, пока заварится чай, смотря в огонь. Я лег на бок, оперевшись на локоть, и вытянул ноги в сторону. Он покосился на мои армейские ботинки и спросил:

- Давно ходишь?

Я кивнул, не особо удивляясь его догадливости.

- Я тоже раньше ходил, - сказал он. - Не мог спокойно сидеть на одном месте. Надеялся, что найду хоть что-нибудь, ради чего стоит ходить.

- Нашел?

- Как сказать.

Он потянулся за обломками стула и сунул в костер еще одну деревяшку, вызвав небольшой сноп искр. Затем он остро посмотрел на меня колючими глазами и заговорил:

- Я однажды шел по мосту и над серединой реки увидел фургончик. Какой-то мужик стоит рядом с перилами и смотрит на воду. Я сначала подумал, что он собирается прыгнуть, высота там была приличная, но на это было не похоже. Он очень внимательно и задумчиво разглядывал что-то внизу. Заметив меня, он приветливо махнул рукой, и я подошел поближе. Мы поздоровались, и он кивком головы указывает на воду. Там плавали несколько небольших тел. Течение в реке было слабым, и казалось, что эти люди утонули совсем недавно, их тела еще не успели далеко уплыть. Я спрашиваю его, видел ли он, что случилось, а он мне знаешь, что отвечает? "Да, видел, это я их сбросил". Я растерялся и говорю: "Что? Как?". А он мне: "Сейчас покажу". Затем он подходит к своему фургончику и открывает заднюю дверцу. Там у него в кузове сидели несколько детишек разных возрастов, живые и испуганные. Он берет за шиворот одного мальчика лет семи-восьми, вытаскивает его наружу и захлопывает дверь машины. Не успел я понять, что происходит, как он его поднял и ловко перекинул через перила вниз. Мальчонка завизжал, затем раздался глухой шлепок об воду, а этот мужик опять наклонился над краем моста и смотрит на реку. "Почему вы это делаете?" - спрашиваю я у него. А он мне отвечает: "Пока они летят вниз, я кое-что чувствую". Спрашиваю: "Это ваши дети?" Он говорит: "Нет, наловил на этой неделе". Я поинтересовался: "А что именно вы чувствуете?" Он с большим удивлением смотрит на меня, как будто я задал странный вопрос, и отвечает: "Ценность своей жизни". Вот такая история. Потом я ушел.

Закончив свой рассказ, он потянулся за чайником и налил нам по кружке. Я поблагодарил его, потер лоб и спросил:

- А что насчет других детей из фургона?

- Не знаю, наверно, он утопил и их тоже.

- Ты ничего не сделал?

- Угадай.

Я заглянул ему в глаза и кивнул. Я понимал. Разумеется, он ничего не сделал и никак не вмешался. И не потому, что побоялся, а потому, что не видел смысла кого-то спасать. Жизнь, порою безумная и жестокая, шла своим чередом, не требуя ни от кого никакого участия. Можно было вмешаться, можно было не вмешиваться, все это не имело никакого значения, оно просто происходило.

- Дерьмо... - пробормотал я.

- Да, дерьмо, - он согласно кивнул головой. - Но этот человек ненадолго обретал смысл своей жизни, что, согласись, уже не мало. Хоть и делал он это весьма необычным способом.

- Но он же безумен.

- А кто нет?

Я согласно поднял кружку и отхлебнул. Чай был ароматный, вкусный и в меру горячий. Это было приятно. Не знаю, приятней ли это, чем топить детей, но чай определенно был хорош. Он тоже немного заполнял Пустоту.

Мой собеседник неаккуратно отпил из чашки слишком большой глоток и зашипел, обжегшись чаем. С досадой потеряв губы, он тяжело вздохнул и сказал:

- Поэтому я больше не хожу. Не хочу ничего видеть.

- Чем ты теперь занимаешься? - спросил я.

- В основном, сплю. Я научился много спать, часов по восемнадцать в сутки. А оставшиеся шесть часов я жду, когда же наконец закончится этот гребаный день, чтобы начался следующий гребаный день.

- А я сегодня видел, как волки доедали прыгуна, - сказал я через минуту внезапно сам для себя. - Я их прогнал.

- Зачем? - с явным недоумением спросил он.

- Сам не знаю. Что-то дернуло.

- Пусть бы ели. Волки хорошие.

Он осторожно попробовал свой чай и, убедившись, что тот достаточно остыл, мелкими глотками с удовольствием выпил всю чашку. Затем он улыбнулся, поднялся с пола и сказал:

- Пойду спать. Бывай.

- Можно я у тебя останусь переночевать? - попросил я его.

- Оставайся, если хочешь. Только не шуми.

И он ушел, не потрудившись погасить огонь. То ли специально оставил его для меня, то ли ему было все равно.

Я налил себе еще чашку чая и подошел к окну. Ночь была ясная, на небе мерцали тысячи звезд. Погруженный в полный мрак город больше не заглушал их своей подсветкой. Еще один неочевидный плюс сложившейся ситуации. Несколько раз с наслаждением вдохнув полной грудью свежий ночной воздух, я вернулся на свою подушку рядом с горящим противнем и, дотянувшись, взяв в руки первую попавшуюся книжку из кучи рядом с разломанным стулом. Это оказалась та самая Книга. Найти ее теперь можно было в любой точке планеты. В свое время она была переведена на все известные языки и издавалась поистине огромными тиражами, а затем переиздавалась снова, и снова, и снова. Она имела невероятный успех, какого не бывало никогда раньше ни у одной другой книги в мире. Автор был неизвестен, правообладателя не было, и потому издатели печатали ее совершенно свободно в немыслимых масштабах, зарабатывая бешеные деньги. Она стала поистине бестселлером, который прочитали несколько миллиардов человек...

Костер почти догорел. Я разорвал Книгу вдоль корешка, стараясь делать это как можно тише, и начал по частям скармливать ее огню. Как иронично замыкается круг! Та самая Книга, которая выморозила мою душу, теперь согревает мое тело. Почему-то мне вспомнился тот пьяный сельский житель, которого я встретил сегодня на руинах библиотеки и который ошибочно подумал, будто я презираю его за неграмотность. Что с того, что он не умеет читать? Это ничего не меняет. Все равно читать ему уже нечего, большинство книг ушли на то, чтобы приготовить еду или вскипятить чайник. Без электричества больше нет ни Интернета, ни систем искусственного интеллекта. Все это где-то осталось, но заперто внутри обесточенных кремниевых микросхем. Знания, которые человечество копило тысячелетиями, стали нам по большей части недоступны всего лишь за одно десятилетие. Да, тот человек, пришедший в город за гвоздями и чем-то-там-еще, тоже обречен, как и я, как и все остальные. Свою жизнь он кое-как проживет и, быть может, даже дотянет до старости, если только раньше не сопьется или не попадется хищным животным. Возможно, у него есть дети. Какой мир они унаследуют? Мир раннего средневековья, вот какой, если даже не хуже. Это будет мир без сложных механизмов, без лекарств, без науки. Даже гвозди - и те когда-нибудь закончатся, а новые никто не произведет. И кузнечное ремесло давно утрачено, чтобы выковать что-нибудь им на замену. Даже если остатки человечества захотят начать все заново и будут восстанавливать цивилизацию, то со временем неизбежно вновь появятся философы и психологи. Люди вновь начнут искать смысл жизни, писать об этом книги и вновь докопаются до Пустоты, которая поглотит все. Пустота поглотит все. Произойдет ли это за десятилетия или за века - не существенно... Да, мы все обречены. По-другому быть не могло. Ну и ладно. Пусть так... На самом деле, я завидую этому сельчанину. Завидую его простоте и приземленной вовлеченности в быт. Его жизнь, цели, интересы и желания вызывают у меня отвращение и скуку. Я не хочу жить его жизнью, но я хотел бы его способность быть удовлетворенным и не страдать от ослепительной ясности, с которой все вижу я. Он живой, а я тень. О, как бы я хотел меньше прозрачности! К сожалению, невозможно уменьшить осознанность волевым усилием. Все, что я могу для этого сделать, это напиться вместе с ним и на время затуманить свой разум.

Я закончил сжигать Книгу, лег на диван и какое-то время разглядывал почерневший от копоти потолок, тускло освещенный догорающим огнем. Видимо, этот человек давно тут живет. Интересно, сколько чайников он вскипятил, и каким был этот потолок раньше? Постепенно я уснул.

Когда я проснулся, солнце было уже высоко. В доме стояла тишина, лишь где-то в глубине квартиры за закрытой дверью угадывалось мирное похрапывание человека. Я поднялся, налил себе холодного чаю, сделал пару глотков, оставил вчерашний пакетик орехов рядом с хозяйской чашкой и на цыпочках вышел из квартиры, стараясь не шуметь. Не стоит будить спящих. Мир во снах гораздо интереснее и приятнее мира наяву.

Спустившись на улицу, я в очередной раз пожалел, что в городах больше не работает канализация. Сидеть дома на удобном унитазе было бы гораздо приятней, чем делать свои дела в подворотне. За все прошедшие года я толком к этому так и не привык. Отойдя подальше и разобравшись с утренним туалетом, я вспомнил о своем вчерашнем намерении помыться и не спеша направился в сторону реки. День обещал быть теплым и солнечным, может быть, мне даже удастся немного позагорать. Я медленно шел по улицам, постукивая шваброй по асфальту и созерцая окрестности. Торопиться мне было некуда и незачем. По пути я заглянул в продуктовый магазинчик и взял пачку печенья и газировку. Печенье давно

превратилось в сухари, но было по-прежнему съедобным и вкусным. Рядом с магазинчиком был припаркован ржавеющий автомобиль, до капота заросший травой. Краска местами отслоилась, колеса давно спустились, салон внутри был весь в паутине. Я забрался на его крышу, чтобы лучше видеть происходящее вокруг, и сел перекусить. Через пару минут я заметил, как из-за угла соседнего дома высунула свою мордочку рыжая лисица, видимо, привлеченная моими звуками. Она внимательно посмотрела на меня, увидела, что я что-то ем, и стала осторожно приближаться. Стараясь не делать резких движений, я бросил ей одно печенье. Она заинтересованно подошла к нему, обнюхала, слегка куснула, но тут же выплюнула и разочарованно юркнула обратно за угол. Я мысленно улыбнулся и подумал, что это по-своему символично. Лиса не стала пережевывать прошлое, а я вот жую, и тем ее жизнь отличается от моей в лучшую сторону. Впрочем, не стоит искать смысл - его нет нигде, и тем более в печенье. Ей просто не понравился слишком жесткий сухарь. Жаль, что она так быстро убежала. Красивая была лиса. Настоящая. Целная.

Закончив свой завтрак, я спрыгнул с автомобиля, подобрал швабру и пошел дальше. Проходя мимо какой-то церкви, я увидел на крыльце пожилую женщину. Она сидела в старом облезлом кресле, закутанная в шаль, и грелась на солнце. Я поздоровался с ней, но она лишь скользнула по мне усталым безразличным взглядом, отвернулась в сторону и ничего не ответила. Что ж, понимаю. Это теперь обычное дело, обижаться мне не на что. Я не стал докучать ей с разговорами, хотя меня немного заинтересовало, почему она выбрала такое место. Религии уже давно потеряли своих последователей. Пожалуй, по ним Книга ударила сильнее всего. То, что традиционно воспринималось защитой от жизненных невзгод и тягостей бытия, те высокие идеи, которыми люди столетиями оправдывали свою жизнь и отгораживались от Пустоты, - все это оказалось для многих тем самым камнем, с которого начинается лавина в горах. Вера людей в высшие силы угасла быстрее, чем смысл их жизни, что, в принципе, было совершенно закономерно. Я прошел мимо и погрузился в размышления о своих ощущениях от этой встречи. Что-то было в ее взгляде такое... Такое - никакое. Нет, даже больше, чем никакое. Ноль - это уже что-то, а там было ничто. Впрочем, я не уверен, что про "ничто" вообще можно сказать, что оно есть. Эта женщина казалась мне пустой оболочкой, гораздо более пустой и призрачной, чем я сам и все прочие люди, которых я повстречал за последние сутки. А уж с лисой, наполненной и искрящейся, и вовсе не сравнить.

До реки было еще довольно далеко, и я продолжал свой путь по хорошо знакомым улицам. С прошлого раза, когда я был в этом городе пару лет назад, здесь почти ничего не изменилось. Мне нравилось вспоминать и сравнивать, выискивая отличия между увиденным и тем, что сохранилось в моей памяти. Чуть больше кустарника и травы, чуть больше разрухи в открытых магазинах и домах. Кое-где виднелись начисто обглоданные дикими животными человеческие скелеты, которых, кажется, не было раньше. Несколько относительно свежих пожарищ. Вот, наверное, и все различия. Иногда я видел других людей, но они меня не интересовали. Проходя очередной перекресток, я внезапно услышал справа вдалеке грохот и звон, и мне стало любопытно, что там происходит. Пройдя в направлении источника звуков пару кварталов, я оказался в районе с плотной застройкой многоэтажек и с удивлением обнаружил, что почти во всех домах на этой улице были выбиты окна, а пространство между зданиями усеяно толстым слоем битого стекла. Из одного дома доносились глухие звуки ритмичных ударов чего-то тяжелого. Я остановился и принялся ждать. Вскоре все стихло, а затем одно из окон на верхних этажах разлетелось вдребезги, и вниз посыпался стеклянный град. Я поднял голову и увидел, как какой-то человек, держа в

руках лом, старательно очищает оконную раму от оставшихся кусков стекла. Закончив работу, он посмотрел вниз и заметил меня. Я помахал ему рукой. Он кивнул в ответ и скрылся. Через несколько минут мужчина вышел из здания и подошел ко мне, хрустя сапогами по осколкам. Он был весь потный и по пояс обнажен, тяжело дышал и держал в руках тот самый лом, которым выбивал окна.

- Привет! - сказал он мне. - Тебя не задело?

- Привет. Все в порядке, - ответил я. - Можно поинтересоваться, что ты делаешь?

- Очевидно, бью стекла, - усмехнулся он.

- Но зачем?

Он оценивающе посмотрел на меня и решил все-таки объяснить:

- Делаю дома пригодными для птиц. Пусть заселяются, выют гнезда, там для них будет хорошая защита от непогоды.

Я согласно кивнул и сказал, что он, пожалуй, прав, и это замечательная идея. Он облокотился спиной на стену дома, возле которого мы стояли, достал сигареты и закурил. Предложил мне тоже, но я отказался.

- Непростая работа, знаешь ли, - заговорил он. - Многие двери в квартиры заперты, приходится их выламывать. У меня есть кувалда, топор и вот этот лом. Тяжело. Но зато посмотри, сколько я уже сделал!

Мужчина повел рукой, указывая вперед и назад. Десятки домов высотой в двадцать-тридцать этажей таращились на улицу пустыми глазницами окон. Это выглядело действительно впечатляюще. Меня приятно удивила его тщательность, он не только разбивал стекла, но и педантично очищал оконный проем от осколков, видимо, чтобы птицы случайно не поранились об острые края.

- Давно ты этим занимаешься? - спросил я.

- Ага, уже больше года точно.

- А красиво, черт побери, - сказал я с чувством, глядя, как солнце отражается в осколках, застилающих улицу сплошным ковром. Все вокруг сверкало бесчисленными гранями. Где такое еще увидишь.

- Сверху вид еще лучше, - отозвался он.

Я немного помолчал и спросил:

- Много их там, в квартирах?

Он понял, о чем я спрашивал. Конечно же, о телах. Он глубоко затянулся сигаретой и кивнул. Уточнения не требовались ни мне, ни ему.

- Когда все сделал и уходишь из квартиры, надо закрывать за собой дверь, - сказал я ему, - чтобы вход оставался только со стороны окна, и хищники не тревожили птиц, а то они не будут там гнездиться.

- А ты соображаешь! - одобрительно ответил мужчина. - Я так и делаю. Хочешь присоединиться?

- Нет, - отказался я. - Одному тебе тут работы хватит на долгие.

Мы посмотрели друг на друга, удовлетворенные взаимным пониманием. Затем он отбросил окурки в сторону, дружески хлопнул меня по плечу, развернулся и пошел обратно продолжать свое занятие. А я отправился дальше, слушая за спиной возобновившиеся глухие удары. Этот человек выламывал очередную дверь, чтобы разбить очередное окно. Что ж, какое-то время это будет придавать его жизни подобие смысла.

Я добрался до реки, когда было уже, наверно, часа четыре по полудню. Наверно - потому что точного времени больше не существовало. Я немного прошелся вдоль набережной, ища удобный спуск к воде. Гранитные берега были густо оплетены водорослями, кое-где мелькали рыбки, а ближе к середине реки на волнах качались чайки. Я нашел ступеньки вниз, по которым потом смог бы выбраться обратно, разделся и с разбега прыгнул в воду, распугав половину чаек. Минут десять я яростно плавал туда-сюда, а затем вылез наверх. Я щедро намылился шампунем с головы до ног и, сорвав толстый пучок водорослей, тщательно отскоблил себя ими вместо мочалки. Еще раз макнувшись в воду, я окончательно вышел из реки и растянулся на теплой гранитной плите. Загорать было уже поздно. Ну и ладно, не очень-то и хотелось, и так хорошо. Вот зимой будет не так хорошо. Если зима для меня вообще будет.

При мысли о будущем меня стала накрывать глухая тоска. Обычно я стараюсь о таком не думать и усиленно гоню эти мысли прочь, но сейчас они настойчивым туманом окутывали мое сознание. Впереди не было ни смысла, ни цели, ни интереса, ни радости, ни намека на просвет в кромешной тьме - ничего, ради чего стоило бы продолжать жить. Будущего не было. Было лишь растянутое на неопределенный срок настоящее, изматывающее душу своей мертвой тишиной и пустотой. Когда думаешь только о сегодня или завтра, экзистенциальная боль - размером с один день, и это еще можно как-то вынести. Но когда задумываешься вперед на полгода, страдание вырастает многократно, словно накапливая в себе будущую боль за каждый день из этого еще не прожитого срока, и это становится совершенно невыносимо. Мне отчаянно захотелось завывать на Луну, подобно дикому зверю, хотелось разбить себе голову об этот гранит или утопиться среди водорослей. Что угодно, лишь бы прекратилась эта мука! Я застонал, вскочил, наспех натянул на себя одежду, схватил свою швабру, ставшую уже привычной и родной, и бросился вдоль реки. Думать нельзя. Бежать. Бежать! Да, от себя не сбежишь, но хотя бы устанешь до оупения. "Телесное присутствие" - вспомнил я внезапно вчерашнюю девушку на каблуках. Что ж, у каждого свои способы прятать сознание за физическую усталость, мой бег - тоже работает. Я одолел с полкилометра и стал задыхаться. Годы потихоньку берут свое. Пробежав еще немного и окончательно выбившись из сил, я перешел на шаг. Буря в душе постепенно утихла, нервы отпускало. Оставалось едкое раздражение.

В этом месте русло реки немного поворачивало в сторону, и, миновав изгиб, я неожиданно увидел впереди человека, сидящего на берегу и чем-то занятого. Внезапно мне сильно захотелось ударить его палкой, да так, чтобы башку ему разбить! Для агрессии не было никаких реальных причин, но в моем мире уже давно ни для чего не было никаких причин. Почему бы мне и не ударить его? Я покрепче сжал швабру и направился в его сторону. Не дойдя метров десять, я разглядел, чем именно он занимался. Мужчина складывал из камней небольшую пирамиду высотой чуть ниже пояса. И было в ней что-то такое, что я никак не мог отвести от нее глаза. Она не была идеально ровной, но она была идеальной. Мое раздражение и тяга к насилию мгновенно улетучились. Я подошел ближе и молча сел рядом, не поздоровавшись и не спросив разрешения. Мне было совершенно не до условностей. Я смотрел на кучу камней и не мог понять, что делает ее особенной. Эта куча камней была лисой, которая утром отказалась есть мое сухое печенье. Я не знал, что это значит, но чувствовал, что это именно так. Их связывало нечто, выходящее за пределы моего понимания, нечто, лишенное рамок или оценок. Они были едины в том смысле, что оба не нуждались в смысле для своего существования. Я созерцал каменную пирамиду несколько минут, а затем перевел взгляд на человека, который ее сложил. Было похоже, что все это время он смотрел на меня и не хотел отвлекать.

- Тебе легче? - спросил он с улыбкой.

Я кивнул и задал, наверное, самый нелепый вопрос в своей жизни:

- Что это?

Я не ожидал иного ответа, кроме самого очевидного и банального, однако мужчина ответил:

- Это есть.

- Как ты это сделал?

- Ну, я просто делал, а оно сделалось. Нравится?

- Нет слов! - воскликнул я.

- "Нет слов" - это уже слова, - рассмеялся он, и его смех прозвучал очень по-доброму.

- Думаю, эта пирамида может спасти жизни, вот насколько она хороша, - сказал я. - По крайней мере, твою жизнь она точно спасла.

- Вот как? - удивился мужчина, подняв брови.

- Да. Если честно, то, пока я ее не увидел, я хотел избить тебя шваброй.

- Значит, мне повезло, что у тебя хорошее зрение, - пошутил он, нисколько не испугавшись. - Расскажешь, в чем дело?

- Обычная история. Задумался о жизни, и меня накрыло, - кратко ответил я, не собираясь углубляться в подробности или изливать душу, но вдруг меня почему-то прорвало. - Знаешь, я много лет убегаю от Пустоты, и в этот раз она меня опять чуть было не догнала. Я хожу

между городами, смотрю вокруг, тяну время и все надеюсь, что вдруг что-нибудь изменится, вдруг эта мертвая пустыня снова оживет. Но ничего не меняется, и нет ни малейших признаков, что когда-нибудь изменится. Я очень устал от всего этого дерьма и сам от себя. Не хочу так жить, но и умирать тоже не хочу.

- В какой пустыне ты бродишь на самом деле? В этой, - он мотнул головой в сторону города, - или в этой? - и указал пальцем на мою голову.

- А какая разница? - немного поразмыслив, сказал я ему. - Это одно и то же. Пустота нигде не начинается и нигде не заканчивается, на то она и Пустота. Если есть различие, если одна часть отличается от другой, значит это уже и не Пустота вовсе. Она и во мне, и в этом городе, и нет никакой границы. Не считать же, в самом деле, такой границей поверхность моего тела. Это иллюзия.

- Прекрасно тебя понимаю, - отозвался этот человек так, словно речь шла о погоде или повседневных мелочах. - Почему же ты до сих пор себя не убил, раз понимаешь, что это иллюзия? "Contra spem spero", надеешься вопреки надежде?

- Я умру, это вопрос решенный, - спокойно ответил я. - А раз так, то можно не спешить. Эта дверь для меня всегда открыта, поэтому, пока у меня еще есть силы, я пробую найти другую дверь. Ну а если не найду, то и черт с ней, выйду через эту.

Он задумчиво покачал головой, взял в руки последний оставшийся камень, одиноко лежащий рядом с пирамидой, и начал его рассматривать.

- Надо чем-то пожертвовать, чтобы найти другую дверь, - сказал он наконец. - Без жертвы выхода не будет.

Это было что-то новое. Я с интересом посмотрел на него и спросил:

- Чем пожертвовать?

- Ну, тут есть три варианта. Думаю, ты о них и сам частично догадываешься, раз ты все еще жив. Хочешь, я проговорю их вслух?

Я кивнул. Он положил последний камень сверху, критически оценил вид получившейся пирамиды и начал:

- Первый. Нужно полностью отказаться от мысли, что пустыня когда-нибудь вновь зацветет, и принять бессмысленность как факт. Это окончательная смерть надежды на то, что тебя когда-нибудь что-нибудь наполнит. Это исчезновение ожидания радости. Это одиночество, но не как боль, а как спокойная норма. Это не отстраненное наблюдение или присутствие в мире, а жизнь вообще без вопроса "зачем" и без какого-либо внутреннего комментария к происходящему. Экзистенциальная Пустота - это не отсутствие ответа на вопрос "зачем", а обнаженное понимание того, что никакого "зачем" в реальности вообще нет. Брось все. Сдайся. Не жди. Не желай изменений. Не пытайся спастись. И тогда, может быть, к тебе придет простота действий и странное, холодное, но устойчивое принятие "ладно, пусть будет так". Этот путь не лечит душу. Он ее перестраивает. Это принципиально другой способ существовать.

Он снял верхний камень из построенной им пирамиды и бросил его в речку. По воде побежали круги. Он подождал, пока они затихнут, собрался с мыслями и продолжил:

- Второй вариант. Нужно осознанно вернуться в иллюзию, но - в выбранную тобой. Принять идею, что вся жизнь по природе своей держится на заплатках, и выбрать для себя такую заплатку. Что это будет - не важно, семья, дети или какое-нибудь занятие. Не пытайся искренне поверить в этот придуманный смысл - ты все равно не сможешь. Не убеждай себя, что это "настоящее". Просто используй. Ты не обязан уважать смысл, чтобы на нем ехать. Это частичное предательство своей глубины и согласие на "я знаю больше, чем живу". В конце концов, глубина совершенно не стоит того, чтобы за нее держаться. Чтобы выбрать подходящую заплатку, сначала найди в себе то, что еще способно быть затронутым. Не приятно, полезно, правильно или осмысленно, а просто вызывает у тебя хоть какой-нибудь внутренний отклик. Не смысл возвращает чувствительность, а чувствительность возвращает способность к смыслу. Этот путь не избавит тебя от Пустоты, но ты станешь меньше ее чувствовать, потому что начнешь больше чувствовать что-нибудь другое. И тогда, может быть, к тебе немного вернуться душевные силы и ощущение присутствия в жизни. Это добровольная глупость, но считай это компромиссом.

Он взял еще один камень из горки и на этот раз бросил его не в реку, а в сторону, на набережную в нескольких метрах от нас. Затем он поднялся, дошел до камня и подобрал его.

- Третий вариант, - заговорил он, вернувшись ко мне, садясь обратно и подбрасывая камень в руке. - Нужно перейти из плоскости смысла в плоскость творения. Создавай форму. Создавай акт завершенности. Творение, о котором я говорю, это не искусство, не самовыражение и не попытка что-то сказать миру. Творение - это производство формы из Пустоты без объяснения, зачем эта форма появилась. Пиши текст, который не объясняет ничего и никому. Собирай механизмы, которые не обязаны иметь практического применения. Создавай любые объекты, системы или структуры, которые существуют не для пользы, а лишь потому, что могут существовать и могут быть законченными. Создавай творение, но не придавай этому какого-либо значения, иначе ты опять вернешься в плоскость смысла. Творение живет только пока оно вторично. Не используй его как опору. Твори формы не ради награды, одобрения или признания, не ради смысла или объяснения, а ради самого акта завершения. Выполняй закрытые циклы "начал - закончил". Пустота - это бесконечность без границ. Завершенная форма - способ ограничить бесконечность и тем самым немного защитится от Пустоты. Этот путь - не выход из Пустоты, это способ жить изнутри нее, не разрушаясь.

С этими словами он установил камень обратно на пирамиду и снова критически ее оглядел. Затем он перевел взгляд на меня и сказал:

- Чем ты готов пожертвовать? Надеждой? Ожиданием радости? Глубиной? Правотой? Ценностью? Пока ты хочешь выйти из этого состояния без потерь, ты не выйдешь.

Я молчал. Ни один из предложенных вариантов мне не нравился. В этом чувствовалась какая-то фальшь, но я не мог понять, в чем дело. Несколько минут я смотрел на идеальную в своей бессмысленности кучу камней, и наконец меня осенило. Выбор выхода - это форма надежды. А надеяться на избавление от надежды - невозможно.

- Знаешь, - сказал я ему, - а ведь можно ничего и не выбирать...

- Рад, что ты это понял, - ответил он. - Ты понял все, что можно было понять.

Над рекой закричали чайки, и мы некоторое время следили за их великолепной суетой.

- Что ты теперь будешь делать? - спросил он немного погодя.

- Пожалуй, я вернусь в город и поднимусь на какую-нибудь высокую крышу. Посмотрю на закат, он, наверно, будет красивым.

- А потом?

Я улыбнулся.

- Если ты собираешься прыгнуть с крыши, то оставь мне свою швабру, мне она пригодится.

Я снова ему улыбнулся. Затем я встал и направился в сторону города.

Конец.

Алекс Эдер
13.01.2026
www.alexeder.ru
alexeder116@gmail.com